

захотел только пойти отдохнуть и заснуть ненадолго в своем кабинете. Его страдания, которые мы видели, крики, которые мы слышали, потрясли нас, и мы долго не могли прийти в себя. С большим основанием моя тетя очень испугалась. Дядя уснул спокойно, и тетенька побывала еще на крыльце, где были мы с Семеном. Хорошая погода, как и спокойствие, в котором мы пребывали за какую-то минуту до этого, сменилась огромными облаками, которые разразились дождем и заставили нас искать убежища под колоннами крыльца. Беспокойство, которое испытывала моя бедная тетя, оставило на ее лице не свойственный ей оттенок печали. *«Какой на нас на всех черный год,— сказала она. — Куда ни обернешь, везде горе. И Лиза Ганичку схоронила^{XVI}, Нилов в петлю лезет, Бакунины разорены, вот, боже мой, и у нас горе».* Она сказала это тоном таким горестным, что слезы потекли невольно. *«Наше горе, тетенька, Бог обратит».* — *«Ах, конечно! — промолвила она, как будто испугавшись того, что произнесла раньше. — Нет, непременно надо его уговорить ехать».* Мы с Семеном хотели присоединить к этому и наши просьбы, когда дядя проснется, надеясь, что он на это согласится ради спокойствия моей тети. Она вышла посмотреть, не проснулся ли он. Оставшись одна, я не смогла больше сдерживаться и принялась рыдать, в то же время пугаясь своих слез, ведь дядя чувствовал себя хорошо и спокойно спал, а моя боль была такой горькой. Нас пришли предупредить, что он проснулся, чувствовал себя хорошо и зовет в свой кабинет, чтобы сыграть партию в бостон. Едва мы собрались, как сразу же принялись просить его покинуть Званку, чтобы поехать проконсультироваться в Петербург, он твердо решил, что этого не хочет. *«Просто напишу Роману Ивановичу Сим[н]сону,^{XVII} опишу обстоятельно свою болезнь. Завтра Семен Васильевич поедет, сам ему записочку мою свезет, пополнит ее тем, что сам видел, и коль тогда Симпсон почтет нужным мне приехать, в чем однако, очень сомневаюсь, тогда и поедем, что мне делать в Петербурге?».* Опасаясь рассердить его настойчивыми просьбами и доставить ему еще большие страдания, мы замолчали и бостон начался; он пришел в свою обычную веселость и смеялся над нами, Семеном и мной, что мы вечером едим так много фруктов. Он шутил в продолжение всей игры, после чего велел позвать Абрамова^{XVIII} и продиктовал ему свое письмо к Simpson; мы были так успокоены на его счет, что очень смеялись над содержанием письма, в которое он включил очень обстоятельные детали, сам смеясь этому. Прохаживаясь по кабинету, он диктовал, полагая все же, что спазмы могли быть из-за желудка и что он привык почти каждое лето принимать рвотное средство, которое ему помогало; он решил принять его за обе щеки; иногда ему казалось, что причиной спазм был вновь начавшийся геморрой, который, время от времени